

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44
УДК 32.019.51(045)

Легитимация власти: к формулированию операциональной модели

Е.С. Чимирис

Финансовый университет, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

АННОТАЦИЯ

Легитимность власти сложно поддается оценке и прогнозированию, в связи с этим автор статьи ставит перед собой задачу сформулировать операциональную модель описания легитимности власти и предлагает использовать для этого дискурсивный подход к анализу политических процессов. Использование дискурсивных методов позволяет не ограничиваться проведением социологических опросов. Разработка подобной модели откроет путь к формированию инструмента для оценки уровня легитимности власти и прогнозирования кризисов легитимности в конкретном государстве. Обращение к дискурсивному измерению легитимности позволяет обозначить конкретные переменные и произвести их описание и оценку. В качестве основного методологического концепта автор предлагает использовать идеализированные когнитивные модели в терминологии Дж. Лакоффа (фреймы, образно-схематический структуры, метафоры и метонимии). Далее, основываясь на традициях исследования легитимности власти в политической и социальной науке, а также применяя дискурсивный подход, автор формулирует операциональную модель легитимации, состоящую из трех основных элементов: институциональный порядок, лидеры, традиции. Формулировка базовой гипотезы строится на предположении, что совпадение моделей легитимации власти, тех, что сформулированы политическими лидерами, и тех, которые восприняты и интерпретированы населением, будет способствовать росту поддержки власти. Способность приблизиться к формированию инструментария для оценки и прогнозирования кризисов легитимности может быть полезна как для описания и прогнозирования внутренней политики, так и для оценки политических рисков инвестиций и сотрудничества с другими странами.

Ключевые слова: легитимность; дискурс; власть; метафора; фрейм; модель; кризис; революция

Для цитирования: Чимирис Е.С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44

ORIGINAL PAPER

Power Legitimacy: Towards the Creation of an Operational Model

E.S. Chimiris

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

ABSTRACT

The legitimacy of power is difficult to assess and predict, so the author of the article sets himself the task of formulating an operational model for describing the legitimacy of power and suggests using a discursive approach to the analysis of political processes. The use of discursive methods allows using not only sociological surveys but also to find cheaper and more effective methods of analysing opinions and ideas. The development of such a model will open the way to the formation of a tool for assessing the level of legitimacy of power and forecasting crises of legitimacy in a particular state. Turning to the discursive dimension of the description of legitimacy allows us to designate specific variables and to describe and evaluate them. As the main methodological concept, the author suggests using idealised cognitive models in the terminology of J. Lakoff (frames, figurative-schematic structures, metaphors and metonyms). Further, based on the traditions of studying the legitimacy of power in political and social science, as well as applying a discursive approach, the author formulates an operational model of legitimation consisting of three main elements: institutional order, leaders and elites, historical and cultural traditions. The formulation of the primary hypothesis is based on the assumption that the coincidence of the models of legitimation of power formulated by political leaders and perceived by the population will contribute to increased support for the authorities. The ability to approach the formation of tools for assessing and predicting crises of legitimacy can be useful both for describing and forecasting domestic policy and for evaluating the political risks of investments and cooperation with other countries.

Keywords: legitimacy; discourse; power; metaphor; frame; model; crisis; revolution

For citation: Chimiris E.S. Power legitimacy: Towards the creation of an operational model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44

ВВЕДЕНИЕ

Легитимность власти — это постоянная категория, которая появилась вместе с зарождением властных отношений и обострилась в связи отходом от прямых методов управления в сторону сложной представительной власти. В связи с текущими глобальными угрозами и расширением зон киберпространства, дальнейшим отрывом властных институтов от прямой коммуникации с населением, увеличением количества промежуточных инстанций и инструментов, вопрос поддержки власти со стороны населения становится все более актуальным. Легитимность — фактор, который делает отправление властных полномочий эффективным и снижает издержки на применение насилия. Но феномен с трудом поддается измерению. Чаще всего для этого используют социологические опросы, которые во многом сами оказывают влияние на уровень легитимности (будучи озвученными в публичном пространстве, результаты социологических опросов моделируют общественное мнение и уровень поддержки власти). Возникает задача поиска более точных методик для замера уровня легитимности и ее оценки. Выявление проблем легитимности власти на ранних стадиях позволит формулировать соответствующие рекомендации правительствам с целью не допустить дестабилизации ситуации. Задача данной статьи — операционализировать концепт «легитимирующая модель», показать возможности моделирования легитимности на дискурсивном уровне и обозначить переменные для анализа.

**КОНЦЕПТ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Кризис легитимности затрагивает многие сферы общества, препятствует осуществлению политической власти, внедрению инноваций, экономическому прогрессу и т.п. Поиск путей преодоления кризиса легитимности и создания устойчивой и стабильно развивающейся политической системы — одна из центральных проблем современной политической науки.

Крайняя степень отсутствия легитимности — революция — изучена всесторонне, как в теоретическом, так и в практическом смысле [1–3]. Варианты типологии революций были в свое время предложены как самим автором, так и другими учеными [4–6]. Основываясь на предыдущих исследованиях, мы можем в целом охарактеризовать революцию как смену социальной парадигмы, институциональной структуры и организации политической жизни.

Соответственно, в результате происходит смена модели легитимации, внедряется кардинально другая система социального и политического устройства, иные основы государственности.

Для целей настоящей статьи определим легитимность как добровольное подчинение и признание правомерности властных полномочий, которое основано на общих представлениях об обычном праве и ценностях, принятых в данном обществе. Племенные сообщества, а затем и ранние государства имели более простую структуру институтов и отношений, соответственно, и процесс легитимации власти происходил с опорой на меньшее количество факторов: магические культы, традиции, религия и т.п. [7–9]. Со временем структура общества усложнялась, и появилась модель рационального выбора.

В центре внимания теорий рационального действия находится индивид, который, как предполагается, разумно и самостоятельно просчитывает все позитивные и негативные последствия своих действий, видит возможные стратегии развития ситуации [10, 11]. Что немаловажно, с точки зрения этой теории, в процессе подчинения власти рациональный индивид действует только во имя своей выгоды (получения благ), и никогда не будет действовать вопреки ей [12, с. 376]. В отношении процесса легитимности механизм действий рационального индивида основывается на стремлении избежать возможных санкций от государства за выполнение или невыполнение им определенных действий. Однако постоянная реальная угроза санкций требует больших издержек со стороны государства и редко осуществима в течение длительного периода времени.

Исследователи пришли к выводу, что в процессе легитимации важнее не угроза применения санкций, а вера в истинность законов и правил, установленных государством и общественной системой [13, с. 280]. Э. Дюркгейм показал, что правильное поведение человека в обществе зависит не столько от реальной угрозы наказанием, сколько от силы социального факта (продукта коллективного сознания) и имеет принудительную силу над индивидом [14]. Фактически продолжая эту традицию, К. Хорн анализирует легитимность не как индивидуальную установку, а как социальную норму, которая обязывает индивидов к послушанию и поддержке лидера. В свою очередь, эти нормы обеспечиваются угрозой социальных санкций за невыполнение [15, с. 400]. Т.Р. Тайлер пишет о том, что ключевой детерминантой легитимности государства является восприятие процесса принятия

решений как справедливого. Опыт справедливых процедур создает социальные ценности, и они побуждают людей чувствовать длительную личную обязанность следовать установленным правилам [16, с. 416; 17, с. 375]. Политическая функция власти по управлению обществом легитимна в том случае, когда она отражает идентичность общества [18, с. 17]. Б. Ротстайн доказывает, что институты электоральной демократии являются не единственной детерминантой легитимности. Многие этнические меньшинства никогда не получают электоральное большинство в демократиях, но, тем не менее, продолжают считать правительство легитимным. Поэтому решающую роль играет не процедура избрания правительства, а осуществление им честной политики [19, с. 311].

Кроме того, важную роль в формировании легитимности играют элиты и лидеры. Р. Баркер называет процесс достижения элитами особого статуса по сравнению с остальными людьми эндогенной легитимацией [20, с. 9]. Иными словами, лидеры и элиты самостоятельно выстраивают такую систему отношений, в которой они занимают особое положение, и это является важным признаком легитимности их власти. Каждый политический режим стремится развивать веру в то, что его политика является верной, четной и легитимной. Выделим факторы легитимности, которые влияют на этот процесс:

1. **Институциональный порядок**, т.е. честные и справедливые институты, которые занимаются осуществлением политики и распределением ресурсов.

2. **Лидер**, который благодаря своему статусу и идеям вызывает доверие у людей и побуждает их следовать установленным правилам.

3. **Традиции** (историческая память, культурные ценности и нормы) рассказывают гражданам, как сформировался текущий социальный и политический порядок, и почему он правильный.

В силу того, что современное общество — это сложно организованная система, все перечисленные факторы в разной мере могут влиять на процесс легитимации. Чтобы установленный порядок был легитимен, он должен соответствовать системе ценностей и верований населения. Ценности (или смыслы и понятия), согласно теории П. Бурдьё, производятся лидерами, и они монополизируют это право [21, с. 162].

П. Бергер и Т. Лукман пишут о том, что легитимация «объясняет» институциональный порядок, оправдывает его и придает нормативный характер

[22, 23]. Однако, по мнению авторов, легитимация — это не только вопрос ценностей, но и формирование системы знания о социальной системе. Знание о социальных ролях, о правильном и неправильном, в свою очередь, формирует ценностную картину мира. Знания и ценности отображены в *категориях языка*, в связи с этим представляется важным обратить внимание на дискурсивные аспекты отображения социального знания и понимания.

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

В рамках разработки данной модели сделаем допущение, что легитимирующие модели основываются на базовых идеализированных когнитивных моделях (ИКМ) (по терминологии Дж. Лакоффа), которые носят когнитивную (познавательную) функцию, а также объясняют существующий в обществе институциональный порядок. ИКМ непосредственно связаны со способностью человека воспринимать и оценивать окружающую действительность [24, с. 98]. Мы можем и не иметь специальных научных знаний о различных явлениях жизни, однако, в любом случае мы обладаем набором теорий, касающихся всех важнейших сторон нашей деятельности. Идеализированные когнитивные модели бывают нескольких видов: пропозиционная структура (фрейм); образно-схематическая структура; метафорическое отображение; метонимическое отображение.

Пропозиционные структуры (фреймы)

Большинство авторов определяют *фрейм*, как некую структуру в сознании человека, с помощью которой он воспринимает действительность и ориентируется в окружающем его мире. В частности, М. Минский понимает фрейм как структуру данных для представления стереотипных ситуаций [25]. В понимании Т. ван Дейка, фреймы — это, во-первых, единицы, организованные вокруг некоторого концепта, заложенного в тексте. Во-вторых, эти единицы содержат основную типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с концептом. Наконец, фрейм имеет конвенциональную природу и способен определять и описывать, что в данном обществе является характерным и дозволенным [26, с. 18]. За каждым типическим социальным контекстом закреплен набор возможных фреймов, которые задают множества позиций, функций, свойств и отношений для участников коммуникации. М. Минский предлагает представить фрейм в виде многоуровневой сети с «узлами» и «связями» (рис. 1).

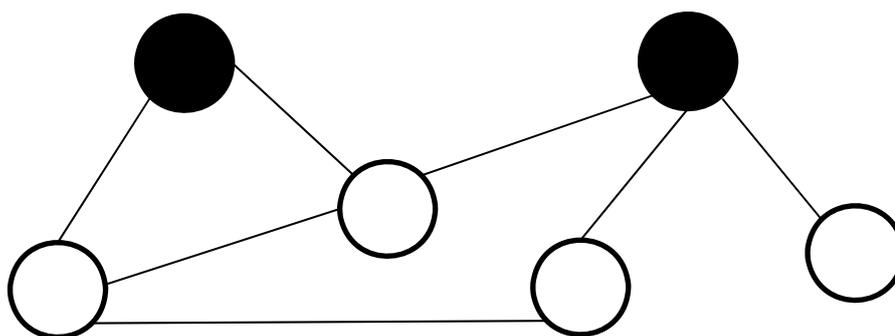


Рис. 1 / Fig. 1. Структура фрейма / Frame Structure

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

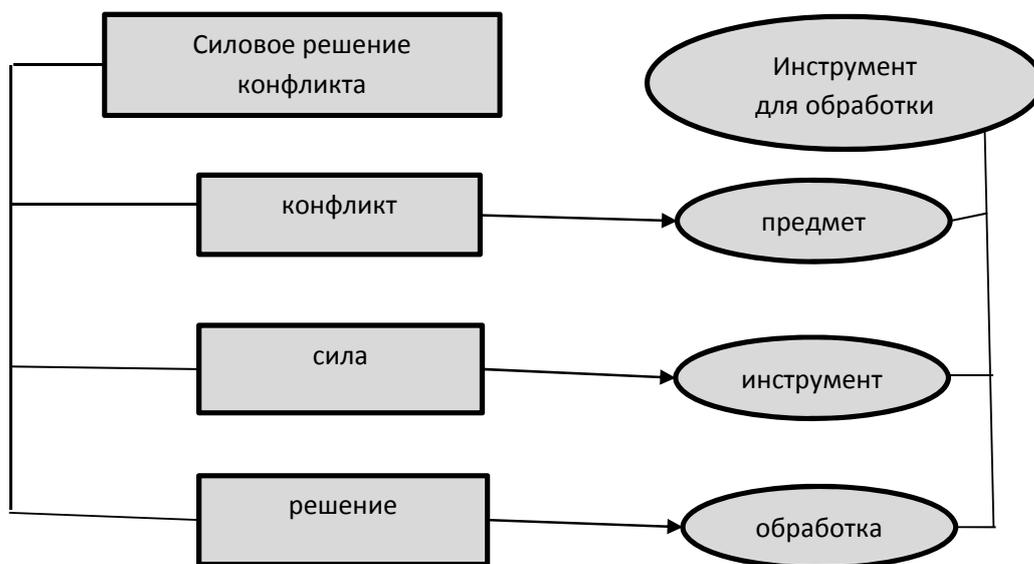


Рис. 2 / Fig. 2. Пример образно-схематической структуры / Figurative-Schematic Structures

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Заштрихованные круги — это абстрактные структуры, содержащие четко определенную информацию, справедливую для каждой конкретной ситуации. Незаштрихованные круги — это «ячейки» с конкретными примерами и данными о каждой отдельной ситуации. Линии между кругами означают связи между «узлами» фрейма. В ситуации, когда частный конкретный случай содержит элементы, для которых нет места в общей абстрактной структуре, абстрактная схема чаще всего усложняется новым элементом, а фрейм обновляется. Важно отметить, что один и тот же фрейм может присутствовать в структуре знания целой группы людей. Это отмечает И. Гофман: «взятые вместе, первичные системы фреймов определенной социальной группы конституируют центральный элемент ее культуры, особенно в той мере, в какой порождаются образцы человеческого понимания, сопряженные с основными схемами восприятия,

соотношениями этих типов и всеми возможными силами и агентами, которые только допускаются этими интерпретативными формами» [27, с. 87].

Образно-схематические структуры

Рассмотрим несколько подробнее, каким образом автор теории когнитивных моделей видит структуру человеческого познания. На базовом уровне человек воспринимает мир в целостных образах (или образных схемах). Р.У. Лангаккер также говорит о некоем ментальном опыте человека, который «охватывает не только твердо установленные концепты, но также новые концепции и впечатления в момент их появления» [28, с. 10]. Этот опыт включает как абстрактные концепции, так и сенсорное, кинестетическое восприятие человеком окружающей среды. Концепт, установленный посредством ментального опыта, является шаблоном или моделью для построения лингвистических выражений.

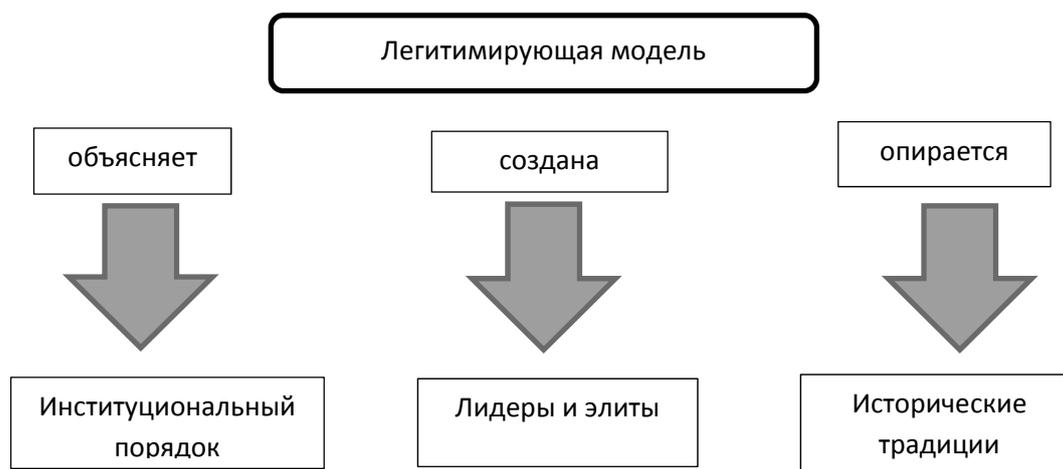


Рис. 3 / Fig. 3. Легитимирующая модель / Legitimacy Model

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

На рис. 2 показан пример, как конкретный эмпирический опыт соотносится с моделью. Встречая предмет в действительности, для того, чтобы начать его использовать, мы соотносим его с абстрактным шаблоном, который сформировался, опять-таки, на основе предыдущего эмпирического опыта. У разных культур сам набор таких шаблонов может существенно отличаться друг от друга.

Метафорическое отображение

Обратимся непосредственно к теории метафоры, предложенной Дж. Лакоффом, который считает, что индивид воспринимает окружающий мир посредством существующих в его сознании схем и концептов. Такие категории чаще всего воспринимаются посредством метафор. Именно поэтому автор утверждает, что «наша обычная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [29, с. 25]. Метафора по Лакоффу, это не только художественный троп, это трактовка одного понятия через термины сущности другого. Метафоры основаны на корреляциях между явлениями, которые закреплены в нашем опыте.

Метонимическое отображение

Метонимия отличается от метафоры тем, что она «обращает внимание на индивидуализированную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других сопresentствующих с ним предметов, метафора же дает сущностную характеристику объекта» [30, с. 5]. Дж. Лакофф выводит правило метонимической модели: «При том, что имеется ИКМ с некоторыми исходными условиями (например, организация расположена в некотором месте),

существует отношение «замещает», которое может установиться между двумя элементами А и Б, такое, что один элемент ИКМ, Б, может заместить другой элемент, А» [24, с. 111]. При этом Б — это место расположения организации, А — сама организация.

ЛЕГИТИМИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА

Опираясь на концепцию власти Бергера и Лукмана и отмечая, что легитимен тот порядок, который эффективно объясняет происходящее в обществе, а также задает параметры правильного и неправильного поведения, мы сможем интегрировать знания о легитимности и наработки в области дискурса. Результатом такого симбиоза может стать понятие **легитимирующей модели**, под которой мы понимаем модель, состоящую из базовых идеализированных когнитивных моделей (по терминологии Дж. Лакоффа), задающих принципы понимания социального мира, формирующих ценности и тем самым определяющих процесс легитимации власти.

Легитимирующая модель (рис. 3) содержит ряд важных знаний и представлений, которые объясняют социальные институты, принципы их функционирования. Это могут быть знания исторического, геополитического, культурного характера. Также эти знания могут содержать элементы идентичности, определяющие границы сообщества, принадлежность к нему, роли индивида в этом сообществе. Создание новых легитимирующих моделей — это, в первую очередь, прерогатива лидеров и элит. В свою очередь, вновь созданные метафоры легитимирующей модели должны опираться на уже существующую традицию легитимности. Создание

слишком большого количества новых метафор, не подкрепленных традицией, может привести к нарушению коммуникации между населением и властью, а также способствовать к кризису легитимности [31, с. 106]. Источник новых смыслов и правил может оказаться в изоляции, и его модель не будет воспринята должным образом.

При помощи языковых средств власть задает необходимый тон коммуникации, определяет терминологию. Формирование легитимности посредством дискурса — это сложный механизм, основанный не только на личных предпочтениях политической элиты, но и на исторических традициях и культурных ценностях. Внедрение новых институтов, приход нового лидера часто сопровождается формированием нового дискурсивного поля легитимации, принятии новых легитимирующих моделей [32, с. 91].

Во время кризиса легитимирующая модель утрачивает свойства объяснять институциональный порядок. Часто кризис легитимности сопровождается формированием новой легитимирующей модели, которая предлагает свое объяснение необходимости институциональных перемен или смены лидера.

Вне зависимости от того, какую природу носят сегменты общества (этническую, религиозную, идеологическую), в ситуации отсутствия общей легитимирующей модели невозможно наладить переговорный процесс между элитами для поддержания стабильного политического процесса. Внедрение институтов демократического представительства не будет являться достаточным для установления этого процесса. Помимо институтов, необходимо создание минимального консенсуса, который опирается на единую легитимирующую модель.

ВЫВОДЫ

Для анализа и оценки уровня легитимности в данной статье была предложена операциональная модель легитимации. Такая модель для применения ее на практике должна содержать два крупных блока: модель легитимности в сознании элит и аналогичную модель на уровне массового сознания. Если совпадения между этими моделями велико, значит, ситуация более или менее стабильна. Если же есть значимые расхождения в моделях, то это может быть предвестником надвигающегося кризиса. При

этом чаще всего для предотвращения кризиса достаточно провести корректировку на символическом дискурсивном уровне.

Источником информации для моделирования должны выступать, в первую очередь, неформальные или полупоформальные тексты — от вполне очевидных источников (вроде высказываний политиков и лидеров общественного мнения по поводу существующего порядка вещей) до кинематографа и телевидения. Мощный источниковый ресурс для анализа легитимности — тексты в социальных сетях, однако привлечение этих источников будет означать необходимость использования специального программного обеспечения.

Задача анализа в рамках оценки легитимирующей модели — выявить ряд **концептов** относительно текущего политического и социального порядка, выраженных в разных дискурсивных формах (метафорах, метонимиях, фреймах, образно-схематических структурах, иными словами — в ИКМ), которые объясняют правильность и справедливость существующего порядка. Модель предполагает, что также будут установлены логические взаимосвязи между этими концептами.

Использование форм дискурса как единиц анализа позволяет операционализировать анализ и оценку легитимности, дает возможности сравнения и прогнозирования развития ситуации. Также анализ дискурсивных практик непосредственно укоренен в повседневном опыте (в том числе, в опыте взаимодействия с властью и институтами). Привлечение большого объема данных снижает риск искажения восприятия информации (население не может массово обманывать нас в своих высказываниях, в отличие от социологических опросов, в которых есть риск, что ответы по поводу поддержки власти будут не совсем честными).

Часто важно понимать, какие элитные группы стали авторами и запустили эти концепты в оборот, так как их социальный политический бэкграунд накладывает определенный отпечаток на концепт. Также концепт так или иначе имеет инновационную и традиционную составляющую — смотрит в будущее и укоренен в традиции. Дальнейшее сравнение понимания и интерпретации концептов и их действующей силы на уровне элит и на уровне общества позволит выявить кризисные тенденции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: НИУ ВШЭ; 2019.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс; 1999.

3. Skocpol Th. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press; 1979.
4. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности. *Полис. Политические исследования*. 2019;(2):24–40.
5. Шульц Э.Э. К вопросу о классификации революций. *Полития*. 2018;2(89):137–155.
6. Чимирус Е.С. Революция. Опыт когнитивного осмысления понятия. *Полития*. 2008;(1):126–141.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика; 1999.
8. Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; 1999.
9. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Эксмо; 2006.
10. Olson M. The Logic of Collective Action. London, Harvard University Press; 1965.
11. Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge; 1970.
12. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399.
13. Hechter M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):279–288.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон; 1996.
15. Horne C. A Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415.
16. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. URL: https://www.researchgate.net/publication/7449571_Psychological_Perspectives_on_Legitimacy_and_Legitimation.
17. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400.
18. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
19. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330.
20. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001.
21. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Алетейя; 2007.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
23. Шмерлина И.А. «Социальная форма»: контуры концепта. *Полития*. 2019;3(94):6–27.
24. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры; 2004.
25. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия; 1979.
26. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс; 1989.
27. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, ФОМ; 2003.
28. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН АН СССР; 1992.
29. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС; 2004.
30. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М. Прогресс; 1990.
31. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. Язык и моделирование социального взаимодействия. Сб. статей. М.: Прогресс; 1987.
32. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112.

REFERENCES

1. Tilly Ch. From mobilisation to revolution. Moscow: HSE; 2019. (In Russ.).
2. Eisenstadt Sh. Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilisations. Moscow: Aspect Press; 1999. (In Russ.).
3. Skocpol Th. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press; 1979.
4. Rozov N.S., Pustovoit Yu.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V. Revolutionary waves of the second half of the twentieth century: the relationship of geopolitics, violence, and legitimacy. *Polis*. 2019;(2):24–40. (In Russ.).
5. Schultz E.E. To the question about the classification of revolutions. *Polity*. 2018;2(89):137–155. (In Russ.).
6. Chimiris E.S. Revolution. Experience of cognitive understanding of the concept. *Polity*. 2008;(1):126–141. (In Russ.).
7. Levi-Strauss K. Primitive thinking. Moscow: TERRA-Book club; Republic; 1999. (In Russ.).

8. Levi-Strauss K. Sad tropics. Moscow: ACT Publishing House; 1999. (In Russ.).
9. Fraser J.J. The Golden bough: a Study of magic and religion. Moscow: Eksmo; 2006. (In Russ.).
10. Olson M. The Logic of Collective Action. London, Harvard University Press; 1965.
11. Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge; 1970.
12. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399.
13. Hechter M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):279–288.
14. Durkheim E. On the division of social labour. Moscow: Canon; 1996. (In Russ.).
15. Horne C. A Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415.
16. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. URL: https://www.researchgate.net/publication/7449571_Psychological_Perspectives_on_Legitimacy_and_Legitimation.
17. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400.
18. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
19. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330.
20. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001.
21. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Aleteia; 2007. (In Russ.).
22. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
23. Shmerlina I.A. “Social form”: contours of the concept. *Polity*. 2019;3(94):6–27. (In Russ.).
24. Lakoff J. Women, fire, and dangerous things: what language categories tell us about thinking. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. (In Russ.).
25. Minsky M. Frames for knowledge representation. Moscow: Energiya; 1979. (In Russ.).
26. van Dyck T. Language. Knowledge. Communication. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
27. Hoffman I. Analysis of frames: essays on the organisation of everyday experience. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. (In Russ.).
28. Langakker R.U. Theoretical grammar. Moscow: INION of the USSR Academy of Sciences; 1992. (In Russ.).
29. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live by. Moscow: URSS; 2004. (In Russ.).
30. Arutyunova N.D. Metaphor and discourse. Metaphor theory. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
31. Blakar R.M. Language as a tool of social power. Language and modelling of social interaction. Collection of articles. Moscow: Progress; 1987. (In Russ.).
32. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Чимирус — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
chimiris@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Chimiris — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
chimiris@gmail.com

Статья поступила 25.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.